

Александр Север

Как победить коррупцию

Рецепт товарища Сталина

Александр Север

Как победить коррупцию

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15123525
ISBN 9785447439804*

Аннотация

В течение многих веков взяточничество и лихоимство были неотъемлемыми частями российской государственной службы. И русские правители активно пытались искоренить эти явления. Первым, кто начал масштабную борьбу с коррупцией в России, был Петр Великий. Правда, искоренить это явление из чиновничьей жизни ему не удалось. Зато получилось у Иосифа Сталина.

Содержание

Вступление	5
Часть первая. Порожденная революцией	12
Глава 1. Революционеры – коррупционеры	12
«Демон революции» или бизнесмен	16
О чем не любят вспоминать	23
правозащитники	
Казначей Владимира Ленина	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Как победить коррупцию

Рецепт товарища Сталина

Александр Север

© Александр Север, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Теоретически, возникновение и существование коррупции следует отнести вообще к дописьменной эпохе (правда, в этом случае свидетельств уж точно нет ни малейших). Ведь взятка становится возможной именно с того момента, как произошло обособление функций управления в общественной и хозяйственной деятельности. Именно в этом случае у должностного лица (управленца) появляется возможность распоряжаться ресурсами и принимать решения не в интересах общества, а в своих собственных.

А случилось это явно и куда ранее, чем шумеры и египтяне научились писать на глиняных табличках. Итак, ко времени формирования государственных образований в древнейших центрах человеческой цивилизации (Египте, Месопотамии, Индии, Китае) в III – II тысячелетиях до н.э. первые ростки коррупционной язвы уже давали о себе знать. Знакомый душок «принципа взятки» в тогдашних общественных отношениях долетает до нас из многих дошедших архаичных текстов. Упоминание о чем-то похожем на нынешнюю систему коррупции встречается в сочинениях по искусству государственного управления древних народов.

В течение многих веков взяточничество и лихоимство были неотъемлемыми частями российской государственной службы. И правители активно пытались искоренить эти яв-

ления.

Еще в Древней Руси митрополит Кирилл осуждал «мздоимство» наряду с чародейством и пьянством. Мздоимство упоминается в русских летописях XIII века. А уже в XIV веке в Судных грамотах – Псковской и Новгородской были введены положения, запрещающие посулы (взятки). О запрещении посулов (взяток) говорилось и в Судебнике Ивана III.

Однако формальные запрещения были мало эффективны. Преступления должностных лиц все более распространялись, и к XVI веку стало очевидно, что без установления в законодательном порядке санкций борьба с взяточничеством и лихоимством невозможна.

Иван Грозный справедливо считал, что от лихоимства власть имущих и происходят обиды и разорения народа. Он первым из русских царей в своем Судебнике 1550 года ввел ответственность судей за должностные преступления. В качестве наказания предусматривался штраф и телесные наказания, сопровождавшиеся бесчестьем. Виновному привязывали к шее вещь, взятую им в подарок, например, кошелек, серебро, жемчуг, соленую рыбу.

Первым, кто активно начал бороться с коррупцией в России, был Петр Первый. Уже в наше время его иногда сравнивают с Иосифом Сталиным. Действительно при обоих правителях страна сделала стремительный рывок вперед в своем развитии. И не важно, был ли построен военный флот или создана атомная бомба. Вот только коррупцию Петр Первый

не сумел победить, в отличие от Иосифа Сталина.

Российский царь прекрасно понимал, какую опасность для государства представляет взяточничество и казнокрадство и поэтому объявил борьбу с этими явлениями всенародным делом. Точно так же поступил Иосиф Сталин. Это только по версии «реабилитаторов» последний призывал истреблять троцкистов, вредителей и иностранных шпионов.

Указом от 23 октября 1713 года «О доношении всяким людям о государственных интересах царскому величеству самому» Петр Первый обещал вознаграждение тем, кто донесет на казнокрадцев, и «кто на такого злодея подлинно донесет, ...тому за такую его службу богатство того преступника движимое и недвижимое отдано будет; а буде достоин будет, дастся ему и чин его...».

В период правления Петра Первый начался очень важный этап в истории борьбы с лихоимством. Указом от 24 декабря 1724 года «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» лихоимство было объявлено преступлением со всеми вытекающими последствиями для тех, кто совершил это деяние.

Под лихоимством понималось получение чиновниками при исполнении своих служебных обязанностей посулов (взяток) и незаконных сборов с населения. Под страхом наказания Указ запрещал всем чиновникам получать какое-либо иное вознаграждение за свой труд, кроме определенного им государством жалованья. Служащего, нарушившего за-

прет, ожидала суровое наказание:

«жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован, и из числа добрых людей извержен, или и смертию казнен будет».

Отличительной чертой Указа стало введение принципа равенства ответственности за взяточничество для всех чиновников, независимо от класса занимаемой ими должности.

Аналогичную картину мы наблюдали в эпоху правления Иосифа Сталина. Так что правильно сравнивали этих двух деятелей, сделавших очень много для того, что бы Россия стала великой державой.

Именно при Петре Первом были наказаны высокопоставленные коррупционеры. Так, князя Матвея Гагарина, бывшего губернатора Сибири, 16 марта 1721 года повесили в Санкт-Петербурге, недалеко от новой Биржи, за то, что этот богатейший вельможа «дико растратил казну». На самом деле он занимался не только казнокрадством, но и присваивал доходы от торговли с Китаем и средней Азией. По его приказу в Сибири раскапывались скифские курганы, наполненные золотом, которое он тоже прибирал к рукам. Хотя в этом деле был и политический «след», о котором современники Петра Первого, да и он сам, предпочитали не говорить. Матвей Гагарин очень хотел Сибирь сделать отдельным государством.

Вице-канцлер и сенатор барон Петр Шафиров украл конфискованное у Матвея Гагарина имущество, подделав под-

писи сенаторов, назначил своему брату Михаилу повышенное жалованье, увеличил в свою пользу почтовые таксы. За что был лишен чинов и имущества и сослан в Сибирь.

В ноябре 1724 года Петр Первый приказал арестовать камергера Виллема Монса и его сестру статс-даму Матрену Балк. Камергера обвинили в том, что он «явился во многих взятках и вступал за оные в дела не принадлежащие ему» и отрубили голову на Троицкой площади. У обезглавленного тела брата выслушала свой приговор и перепуганная Матрена Балк, ей достались пять ударов кнутом и ссылка в Сибирь. В день казни на столбах у эшафота были прибиты «рописи взяткам», судя по всему, это были одни из первых гласных российских документов, изобличающих коррупционеров. В росписи Матрены Балк значилось 23 позиции, и среди тех, кто давал взятки, фигурировали князья Меншиковы, Долгорукие, Голицыны, Черкасские, отметились там и граф Головкин, и Волынский и другие более или менее важные персоны того времени.

Всеобщее лихоимство вынудило Петра учредить в 1711 году институт фискалов состоящего из обер-фискала (им стал стольник М. Желябужский, который сам оказался знатным коррупционером, но об этом ниже), нескольких провинциал-фискалов и подчиненных им «нижних» фискалов. Они должны были «тайно проверять, проведывать, доносить и обличать» злоупотребления, казнокрадство и взяточничество чиновников. Причем половина штрафа шла

в пользу фискала.

Но и эта мера мало помогла. Так, Михаил Желябужский сочинял подложные духовные завещания и за то был бит кнутом и сослан на каторгу. Потому-то с тех пор слово «фискал» стало означать нечто низкое, корыстное.

В январе 1724 года был казнен обер-фискал Алексей Нестеров за то, что «не токмо за другими противных дел по должности своей не смотрел, но и сам из взятков и для дружбы многое в делах упущение чинил. В провинциальные и городовые фискалы многих определял недостойных, и за это то деньгами, то лошадьми, запасами и другими разными вещами взятки с них брал...». Вместе с ним были казнены трое его подчиненных.

Эстафету борьбы с коррупцией «подхватила» Екатерина II. Разумеется, ее предшественники пытались бороться с коррупцией, но как-то пассивно.

Александр I часто с горечью говорил, что окружен негодяями, и чиновники украли бы у него и флот, если бы знали, куда его девать. Одной из причин неудачной борьбы правительств предыдущих эпох с лихоимством Император считал несовершенство существующей нормативно-правовой базы. Было принято несколько Указов, но ситуация не изменилась.

Николай I попытался решить проблему лихоимства с помощью Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Согласно Инструкции от 13 января 1827 года, данной шефом жандармов, генерал-адъютан-

том Бенкендорфом своим подчиненным, они должны были: обратить особенное внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки;

наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личной властью и преобладанием сильных лиц или пагубным направлением людей злоумышленных.

В двадцатые – тридцатые годы прошлого века чекистам приходилось решать аналогичные задачи. Хотя в отличие от своих предшественников – жандармов, чекисты справились с возложенной на них Иосифом Сталиным задачей.

Продолжая рассказ о коррупции в Российской империи в конце XIX – начале XX века следует признать, что власти никак не пытались бороться с ней. Фактически она стала одной из реалий жизни чиновничьей России.

Вот такая страна досталась большевикам осенью 1917 года.

Часть первая.

Порожденная революцией

Глава 1. Революционеры – коррупционеры

В апреле 1921 года Владимир Ленин прислали в ВЧК следующую записку:

«Совершенно секретно.

Т. Уншлихту и Бокию!

Это *безобразия*, а не работа! Так работать нельзя. Полюбуетесь, что там пишут. Немедленно найдите, если потребуется, вместе с Наркомфином и тов. Баша *утечку*.

Ввиду секретности бумаги, прошу немедленно мне вернуть ее вместе с прилагаемым и вашим мнением.

Пред. СНК Ленин».

«Прилагаемым» была вырезка из газеты «Нью-Йорк Таймс» с уже сделанным (лично Лениным, судя по почерку, переводом):

«Целью «рабочих» лидеров большевистской России, видимо, является маниакальное желание стать вторыми Гарун-аль-Рашидами с той лишь разницей, что

легендарный калиф держал свои сокровища в подвалах принадлежащего ему дворца в Багдаде, в то время как большевики, напротив, предпочитают хранить свои богатства в банках Европы и Америки. Только за минувший год, как нам стало известно, на счет большевистских лидеров поступило:

От Троцкого – 11 миллионов долларов в один только банк США и 90 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Зиновьева – 80 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Урицкого – 85 миллионов швейц. франков в Швейцарский банк.

От Дзержинского – 80 миллионов швейц. франков.

От Ганецкого – 60 миллионов швейц. франков и 10 миллионов долларов США.

От Ленина – 75 миллионов швейц. франков.

Кажется, что «мировую революцию» правильнее было назвать «мировой финансовой революцией», вся идея которой заключается в том, чтобы собрать на лицевых счетах двух десятков человек все деньги мира. Из всего этого мы, однако, делаем скверный вывод о том, что Швейцарский банк все-таки выглядел с точки зрения большевиков гораздо более надежным, нежели американские банки. Даже покойный Урицкий продолжает держать свои деньги там. Не следует ли из этого, что нам необходимо пересмотреть свою финансовую политику под углом ее большей федерализации?»

Правда, странная реакция на антисоветскую статью Владимира Ленина? Как бы поступил на его месте обычный государственный деятель? Просто бы не реагировал на этот опус иностранных журналистов. Сколько человек в советской России тогда читало американскую газету? Наверно, не больше 100. Мог ли перевод этой заметки появиться в советских СМИ? Тоже нет. Всю оппозиционную власти прессу давно уже ликвидировали, да и сам Владимир Ленин ангельский характер демонстрировал только на страницах многочисленных воспоминая соратников, а в жизни он был жестким и суровым человеком. Маловероятно, что среди редакторов советских газет был самоубийца, который решился бы опубликовать такой материал в своем издании.

Значит, что-то задело Ильича. Ведь недаром он написал об «утечке». Да и сам список очень уже специфичный. Все названные в нем фамилии, кроме Феликса Дзержинского, так или иначе, фигурировали в коррупционных делах.

Если бы это произошло в эпоху Иосифа Сталина, то, скорее всего, вождь приказал провести проверку изложенных в статье фактов, руководствуясь пословицей «дыма без огня не бывает». Владимир Ленин поступил иначе. Он приказал найти того, кто сообщил на Запад эти сведения.

В Москве по обвинению в шпионаже была арестована американская корреспондентка агентства «Ассошиэйтед Пресс» Маргарита Гаррисон, а несколько позднее – американский журналист Адольф Карм, прибывший в Москву

в качестве делегата на III Конгресс Коминтерна от Американской социалистической рабочей партии. Было задержано еще несколько американских граждан. Всем им предъявили стандартное обвинение в сборе разведывательной информации военного и политического характера. «Нью-Йорк Таймс» – американская газета, значит, и отвечать должны американцы. Хотя отдельные историки считают, что арест двух граждан США – результат интриг в высших эшелонах власти Советской России.

Интересна дальнейшая судьба американской журналистки. В середине декабря 1922 года выходящая в Харбине газета «Русский голос» сообщила своим читателям:

«Арестованная в Чите известная американская журналистка Маргарита Гаррисон была отправлена в Москву для заключения в тюрьму. Оказывается, что по выезде Гаррисон из Москвы в прошлом году за ней был послан советский тайный агент. Он следовал за ней в Соединенные Штаты, затем в Японию, на Сахалин, в Чанчунь, Пекин, Ургу и, наконец, доехал за ней до Читы, где ее и арестовали. Эти факты приобретают особенный интерес, в виду появившихся за последнее время в печати сведений, что Маргарита Гаррисон была освобождена из советской тюрьмы только после ее согласия работать в пользу советского правительства».

Хотя нас интересует больше судьба всех названных в статье высокопоставленных большевиков. Вот что интересно, из всех перечисленных в списке лиц никто не умер соб-

ственной смертью или, по крайне существует, версия, что им помогли покинуть этот мир. Собственно, таких персонажа два – Владимир Ленин и Феликс Дзержинский. О том, как коварный Иосиф Сталин якобы отравил «вождя мирового пролетариата» в девяностые годы прошлого века писали много и смакуя детали. Мы не будем подробно обсуждать данную тему. С Феликсом Дзержинским ситуация немного другая. Его тоже, якобы, пытались отравить, но по одной версии инициатива исходила от Иосифа Сталина, а по другой – от кого-то из лидеров партийной оппозиции.

Зато в отношении всех остальных никаких сомнений нет, все они умерли насильственной смертью и при жизни оказались замешенными в коррупционных делах. Кратко расскажем об этих людях.

«Демон революции» или бизнесмен

Свой рассказ о коррупции в высших эшелонах советской власти мы начнем о «демоне революции» Льве Троцком. Оставим в стороне его политическую деятельность – о ней написано достаточно подробно, а поговорим о том, как он, находясь на государственной службе, занимался бизнесом.

В 1917 году, возвращавшийся из десятилетней эмиграции, Лев Троцкий сделал остановку в Христиании (Осло) и оттуда отправил в Российскую империю вот такую лаконичную (без предлогов и знаков препинания) телеграмму:

«После месячного плена англичан приезжаю
Петроград семьей 5/18 мая».

Она была адресована дяде (брату матери) предпринимателю Абраму Львовичу Животовскому¹. Как показали дальнейшие события, возвращение племянника в Российскую империю сначала создали дяде и его братьям некий проблемы (пришлось эмигрировать на Запад), а потом позволили не только компенсировать потери в России, но и войти в элиту парижского бизнес сообщества. Понятно, что и сам Лев Троцкий не упустил свой шанс заработать с помощью предприимчивых родственников. И его вся политическая карьера тесно переплелась с различными бизнес-проектами. Расскажем о некоторых из них.

В 1919 году американское правительство оптом продало оставшиеся от Первой мировой войны гигантские военные склады во Франции и Бельгии Нью-Йоркскому банковскому консорциуму, который с огромной выгодой стал их распродавать. А эту финансовую структуру создал шведский банкир Олоф Ашберг². В молодости он увлекался социализмом, но дальше дискуссий с другими шведскими социал-демократами дело не пошло. Чего не скажешь о финансовой поддержке революции. Именно через принадлежащий ему сток-

¹ *Островский А. В.* О родственниках Л. Д. Троцкого по материнской линии. // Из глубины времен., – СПб, 1995 год, №5., – С. 105.

² *Мосякин А.* Балтийский оффшор. – Istorija, 2001 год, №13; <http://www.baltkurs.com/russian/arhiv/13/istor.htm>

гольмский «Ниа банк» шло частичное финансирование Октябрьской революции.

После захвата власти большевики продолжали взаимовыгодное сотрудничество с этим банкиром. Один из совместных проектов – создание в августе 1922 году первого советского коммерческого банка (после национализации всех частных банков в декабре 1917 года), вошедшего в историю под названием «Российский коммерческий банк». Олоф Ашберг стал его первым директором³. Позже контроль над банком перешел к Госбанку РСФСР. 7 апреля 1924 года банк был переименован в «Банк для внешней торговли СССР» (Внешторгбанк СССР). В 1988 году банк был еще раз переименован и стал называться «Внешэкономбанк СССР»⁴.

Другой более ранний совместный проект – продажа золота Российской империи (не только принадлежащего государству, но и изъятому у частных лиц и организаций) на 20—30% ниже его реальной рыночной стоимости. Какие комиссионные на этом заработали большевики – тема для отдельной книги. А мы пока поговорим о другом коммерческом проекте – закупке американского военного снаряжения, обмундирования и подвижного состава.

Этими сделками занимались Лев Троцкий, его старший брат Александр Бронштейн (по утверждению писателя Ана-

³ *Саттон Э.* Альянс банкиров и революции. // Голос совести, 2006 год, №10.

⁴ Итоговая трансформация. // [битая ссылка] <http://www.m3m.ru/articles/2006/12/13/4504.html>

толия Рыбакова расстрелян в 1937 году в Курской тюрьме) и их парижский родственник. Для прикрытия этой деятельности глава советской миссии в Копенгагене будущий наркомом иностранных дел Максимом Литвиновым в Христиании (Осло) было создана подставная «Норвежско-русская торговая компания», а оплачивалось все золотом через банки Ревеля. В конце 1920 – начале 1921 года в оплату обуви, одежды, консервов, а также 100 локомотивов и 1600 железнодорожных вагонов к ним большевики перевели через Ревель в кладовые нью-йоркских банков более 50 тонн золота на сумму 65 млн. золотых рублей⁵. Факт активного участия ближайшего родственника одного из руководителей Советской России в деятельности коммерческой фирмы сразу наводит на определенные размышления. Сколько заработали братья на поставках – сказать сложно. Известно лишь, что Александр Бронштейн после окончания Гражданской войны уехал обратно в провинцию, где и прожил всю жизнь в качестве скромного советского служащего⁶.

Лев Троцкий и его земляк Лев Каменев оказались замешанными в еще одной финансовой афере. До Октябрьской революции «Русский торгово-промышленный банк» входил в десятку крупнейших кредитно-финансовых учреждений

⁵ *Мосякин А.* Балтийский оффшор. – *Istorija*, 2001 год, №13; [битая ссылка] <http://www.baltkurs.com/russian/arhiv/13/istor.htm>; *Соломон (Исецкий) Г. А.* Среди красных вождей. – М., 1995., – С. 318.

⁶ *Бронштейн В. Б.* Его ближайшие и дальние родственники. // Из глубины времён., – СПб, 1995 год, №5, – С. – 91—92

Российской империи. После революции в Париже и Лондоне продолжали действовать два его филиала. Однажды руководство этих структур объявило себя владельцами бизнеса и отказалось подчиняться правлению банка. Разразился громкий скандал. Владелец банка удалось через суд вернуть свой лондонский банк, а вот парижский они потеряли. Его директор, некто Кон, продал французскому банку особняк, а вырученную от сделки сумму, ну и еще активы Русского торгово-промышленного банка (свыше пяти миллионов франков) он передал в доверительное управление парижскому банкиру Животовскому, дяде по материнской линии Льва Троцкого и родственнику Льва Каменева. Предполагалось, что банкир, используя родственные связи, получит концессию на горно-промышленные предприятия Криворожского общества. Банкир два раза ездил в Москву, но сделка так и не была совершена⁷.

Вот как об этом деле сообщила 18 декабря 1923 года эмигрантская газета «Накануне» в статье под громким заголовком «Первая французская концессия в России». Следует заметить, что она симпатизировала Советской России, поэтому пафосный стиль вас не должен удивлять.

«„Общество криворожских рудников“, основанное в 1881 году, с капиталом в 5 млн. франков (на самом деле оно называлось „Французское общество

⁷ Семенов Е. Русские банки за границей и большевики. (Из анкеты). – Париж, 1926., – С. 60—63.

Криворожских руд“ и имело уставной капитал 6 млн. франков – прим. авт.), который в последствие доведен до 30 млн. ..., в настоящее время получает концессию на эксплуатацию рудных и угольных богатств Криворожского завода и нескольких металлургических заводов. Срок концессии – 50 лет. Значение концессии, не только возобновление с весны будущего года богатых Криворожских рудников, угольных шахт и заводов, но и в том, что эта концессия, не уступающая по своим размерам Урквартовской, которая, как известно не ратифицирована Советским правительством, является первой производственной концессией французских капиталов».

А далее в статье сообщалось, что одним из посредников при проведении переговоров был Абрам Львович Животовский – дядя Льва Троцкого⁸.

Возможна одна из причин неудачи предпринимателя – незнание им реальной обстановки в регионе. Еще в марте 1920 года было создано районное управление рудников Криворожского и Никопольского бассейнов («Райруда»), а в ноябре 1921 года заработало первых три восстановленных рудника. А в 1922 году начал функционировать техникум, где готовили специалистов. Так что иностранцы опоздали.

Была и другая причина «провала» миссии Абрама Животовского – в то время Лев Троцкий увлекся политиче-

⁸ *Островский А. В.* О родственниках Л. Д. Троцкого по материнской линии. // Из глубины времен., – СПб., 1995 год, №5, – С. 124—125.

ской борьбой и отказался от предложенного ему в сентябре 1922 года пост заместителя председателя СНК. А посты наркомом и одновременно председателя РВС СССР не позволяли ему активно вмешиваться в распределение концессий. К тому же осенью 1923 года он возглавил левую оппозицию.

Этим объясняется и «провал» другого проекта, где снова фигурирует «Демон революции». В июне 1922 года на страницах издаваемой в Берлине (газета с точно таким же названием выходила и в Париже) русской эмигрантской газете «Двухглавый орел» была опубликована серия заметок под общим названием «Письма экономиста». В одной из них говорилось, что в 1921 году в Париже планировалось создать «замаскированный советский банк, для каковой цели большевики согласились ассигновать 25 млн. франков. Инициаторами этого дела в Париже были евреи: Высоцкий, Златопольский, Добрый, Цейтлин, братья Животовские, Лесин и другие...». Автор статьи ссылается на опубликованный в 1921 году газетой «Новое время» текст «копии письма Гуковского к Животовскому, найденному при обыске ЧеКа квартиры сожительницы г-жи Арнольд в Москве». Согласно автору статьи из этого документа видно, что «организация такого банка была одобрена самим Бронштейном, который вместе с Гуковским и некоторыми другими большевиками должен был быть пайщиком, а в качестве директоров оказались приемлемы Лесин, Добрый, Шкаф и некоторые дру-

О чем не любят вспоминать правозащитники

В отечественной литературе принято изображать Григория Зиновьева безвинной жертвой диктатора Иосифа Сталина.

Торговый представитель Советский России в Ревели (Эстония) Георгий Соломон в изданной в 1930 году в Париже своей книге «Среди красных вождей» показал, кем же на самом деле был один из руководителей Советской России и председателем Исполкома Коминтерна. Разумеется, все это он сообщил, когда перебрался на Запад.

Кто-то скажет, что свидетельство ставшего в августе 1923 года первого советского высокопоставленного «невозвращенца» (занимал пост директора фирмы «Аркос» в Лондоне) – не может служить доказательством, т.к. он «злобно клеветает на советский строй». К сожалению, все изложенное ниже подтверждается документами. Так же нужно, что Георгий Соломон начал участвовать в борьбе против царского режима еще в 1891 году. Затем присоединился к группе Владимира Ленина. Осенью 1917 года большевики предложили войти ему в состав правительства, но он отказал-

⁹ *Островский А. В.* О родственниках Л. Д. Троцкого по материнской линии. // Из глубины времен., – СПб., 1995 год, №5, – С. 125.

ся, предпочтя дипломатическую службу. В 1920 году его направляют в Эстонию, где и произошел описанный ниже эпизод.

«Я к Коминтерну не имел никакого отношения и являлся лишь его «банкиром», причем в моих книгах велся точный учет всем переведенным на его счет суммам. Могу сказать только одно, что денег на счет Коминтерна переводилось много... Будущий историк сможет, если книги эти не будут уничтожены, точно установить суммы выброшенных на дело «мировой революции» народных сбережений, которые я с таким трудом превращал в актуальную валюту. – Я сказал: «на дело мировой революции». Приведу из этой сферы один эпизод, из которого читатель увидит, как расширительно толковался этот термин и его потребности. Я опишу этот эпизод подробно, чтобы читателю были ясны все его детали.

Мне подают полученную по прямому проводу шифрованную телеграмму. Она подписана «самим» Зиновьевым. Вот примерный ее текст:

«Прошу выдать для надобностей Коминтерна имеющему прибыть в Ревель курьеру Коминтерна товарищу Сливкину двести тысяч германских золотых марок и оказать ему всяческое содействие в осуществлении им возложенного на него поручения по покупкам в Берлине для надобностей Коминтерна товаров. Зиновьев».

И вслед за тем ко мне является без доклада

и даже не постучав и сам «курьер» Коминтерна. Это развязный молодой человек типа гостиннодворского молодца, всем видом и манерами как бы говорящий: «А мне наплевать!» Он спокойно, не здороваясь и не представляясь, усаживается в кресло и, имитируя своей позой «самого» Зиновьева, говорит:

– Вы и есть товарищ Соломон?.. Очень приятно... Я Сливкин... слышали?.. да, это я товарищ Сливкин... Курьер Коминтерна, или, правильнее, доверенный курьер самого товарища Зиновьева... Еду по личным поручениям товарища Зиновьева, – подчеркнул он.

Я по своей натуре вообще не люблю амикошонства (чванства – прим. авт.), и, конечно, появление «товарища» Сливкина при описанных обстоятельствах вызвало у меня обычное в таких случаях впечатление. Я стал упорно молчать и не менее упорно глядеть не столько на него, сколько в него. Люди, знающие меня, говорили мне не раз, что и мое молчание, и глядение «в человека» бывают очень тяжелыми. И, по-видимому, и на Сливкина это произвело удручающее впечатление: он постепенно, по мере того как говорил и как я молчал, в упор глядя на него, стал как-то увядать, в голосе его слышались нотки какой-то неуверенности в самом себе и даже легкая дрожь, точно его горло сжимала спазма. И манеры, и поза его стали менее бойкими... Я все молчал и глядел...

– Да, по личным поручениям товарища Зиновьева... по самым ответственным поручениям, – как бы взвинчивая себя самого, старался он продолжать,

постепенно начиная заикаться: – Мы с товарищем Зиновьевым большие приятели... э-э-э, мы... то есть он и я... Вот и сейчас я командирован по личному распоряжению товарища Зиновьева... э-э-э... никого другого не захотел послать... э-э-э... пошлем, говорит, товарища Сливкина... он, говорит, как раз для таких деликатных поручений... э-э-э... Меня все знают... вот и в канцелярии у вас... все... э-э-э... спросите кого хотите про Сливкина, все скажут... э-э-э... душа... э-э-э... человек...

Он окончательно стал увядать. Я был жесток – продолжал молчать и глядеть на него моим тяжелым взглядом...

– А что, собственно, вам угодно? – спросил я его, наконец.

– Извините, товарищ Соломон... э-э-э... верно, я так без доклада позволил себе войти... извините... может быть, вы заняты?..

– Конечно, занят, – ответил я. – Что же вам все-таки угодно?

И он объяснил, что явился получить ассигнованные ему двести тысяч германских марок золотом и что так как он едет с «ответственным» поручением самого товарища Зиновьева, то и позволил себе войти ко мне без доклада и даже не постучать. Он предъявил мне соответствующее удостоверение, из которого я узнал, что «он командирован в Берлин для разного рода закупок по спискам Коминтерна, находящимся лично у него, закупки он будет

производить лично и совершенно самостоятельно, лично будет сопровождать закупленные товары», что я «должен ему оказывать полное и всемерное содействие, по его требованию предоставлять в его распоряжение необходимых сотрудников...» и что «отчет в израсходовании двухсот тысяч марок Сливкин представит лично Коминтерну».

– Хорошо, – сказал я, прочтя его удостоверение, – идите к главному бухгалтеру, у него имеются все распоряжения...

Он ушел. Была какая-то неувязка в документах. Он кричал, бегал жаловаться, всем и каждому, тыча в глаза «товарища Зиновьева», свое «ответственное поручение».

– Кто такой этот Сливкин? – спросил я Маковецкого, который в качестве управделами должен был все знать.

– Просто прохвост, курьер Коминтерна, – ответил Маковецкий. – Но все дамы Чуковского от него просто без ума. Он всем всегда угождает. Одна говорит: «товарищ Сливкин, привезите мне мыла Коти»... «духов Аткинсона» просит другая. Он всем все обещает и непременно привезет... Вот увидите, и вам привезет какой-нибудь презент, от него не отвяжешься... Но он действительно очень близок Зиновьеву... должно быть, по исполнению всяких поручений...

И он замолк, так как был человеком скромным и целомудренно не любил касаться житейской грязи...

Перед отъездом Сливкин зашел и ко мне проститься, доложив о себе через курьера.

– Я зашел проститься, – сказал он, – и спросить, нет ли у вас каких-либо поручений?.. что-нибудь привезти из Берлина?.. Пожалуйста, не стесняйтесь, все что угодно... денег у меня достаточно... хватит...

– Нет, благодарю вас, – ответил я, – мне ничего! не нужно... Желаю вам. счастливого пути...

Он ушел, видимо разочарованный...

Недели через три я получаю от него телеграмму из Берлина, в которой он сообщает, что прибудет с «ответственным грузом» такого-то числа с таким-то пароходом, и требовал, чтобы к пароходной пристани по пристанской ветке были поданы два вагона для перегрузки товара и для немедленной отправки его в Петербург. Между тем у нас в это время шла спешная отправка, чуть не по два маршрутных поезда в день, разных очень срочных товаров. И поэтому мой заведующий транспортным отделом, инженер Фенькеви, никак не мог устроить так, чтобы к прибытию парохода затребованные Сливкиным вагоны ждали его. Линия была занята составом, продвинутым к другому пароходу, с которого перегружался спешный груз... Словом, коротко говоря, по техническим условиям было совершенно невозможно немедленно удовлетворить требование Сливкина. И поэтому у Сливкина тотчас же по прибытии начались всевозможные недоразумения с Фенькеви. А. Фенькеви был мужчина серьезный и никому не позволял наступать себе на ногу. Сливкин скандалил, кричал, что его «груз специального назначения», по «требованию

Коминтерна», и что «это саботаж». Фенькеви возражал ему серьезными и убедительными доводами... Наконец Сливкин пришел ко мне с жалобой на Фенькеви. Я вызвал его к себе: в чем дело?..

– Прежде всего, – ответил Фенькеви, – линия занята маршрутным составом (40 вагонов), линия одна, спятить маршрутный поезд мы не можем, не задержав на два дня срочных грузов – земледельческие орудия, а затем...

– А, понимаю, – сказал я. – Когда же вы можете подать два вагона?..

– Завтра в шесть утра. Сегодня к вечеру мы закончим нагрузку, спатим груженный состав ночью, и он тотчас же пойдет по расписанию в Москву. И тотчас лее будет подан на пристань новый состав в 40 вагонов же, и из них два вагона в хвосте поезда останутся у парохода для тов. Сливкина...

– Нет, я должен спешить! К черту орудия, пусть подождут, ведь мои грузы по личному распоряжению товарища Зиновьева... я буду жаловаться, пошлю телеграмму, – кричал Сливкин.

– Ладно, – ответил я, – делайте что хотите, я не могу отменить срочных грузов...

Сливкин, разумеется, посылал телеграммы... В ответ получались резкие ответы, запросы. Я не отвечал. Но тут вышло еще недоразумение. Сливкин настаивал на том, чтобы оба его товарных вагона были завтра прицеплены к пассажирскому поезду. Железнодорожная администрация, конечно, наотрез

отказала в этом. Хлопотал Маковецкий, Фенькеви – администрация стояла на своем: только министр может разрешить это. И я должен был обратиться лично к министру, который в конце концов и разрешил это, лишь для меня...

Все мы были измучены этим грузом «для надобности Коминтерна». Все сбились с ног, бегали, писались бумаги, посылались телеграммы... И дорогое время нескольких человек тратилось в угоду Зиновьева... его брюха... Фенькеви лично руководил перегрузкой. Когда все было, наконец, окончено, он явился дать мне отчет. Он был мрачен и раздражен.

– А что это за груз? – спросил я вскользь.

– Извините, Георгий Александрович, – я не могу спокойно об этом говорить... Столько всяких передраг, столько гадостей, жалоб, кляуз... и из-за чего?.. Противно, тьфу, этакая гадость!.. Все это предметы для стола и тела «товарища» Зиновьева, – с озлоблением произнес он это имя. – «Ответственный груз», ха-ха-ха!.. Всех подняли на ноги, вас, всю администрацию железной дороги, министра, мы все скакали, все дела забросили... Как же, помилуйте! У Зиновьева, у этого паршивого Гришки, царскому повару (Зиновьев, по слухам, принял к себе на службу бывшего царского повара) не хватает разных деликатесов, трюфелей и черт знает чего еще, для стола его барина... Ананасы, мандарины, бананы, разные фрукты в сахаре, сардинки... А там народ голодает, обовшивел... армия в рогожевых шинелях... А мы должны улаживать толстое

брюхо ожиревшего на советских хлебах Зиновьева... Гадость!.. Извините, не могу сдержаться... А потом еще драгоценное белье для Лилиной и всяких других «содкомок», духи, мыла, всякие инструменты для маникюра, кружева и черт его знает что... Ха, «ответственный груз», – передразнил он Сливкина и отплюнулся. – Народные деньги, куда они идут! Поверите, мне было стыдно, когда грузили эти товары, стореть хотелось! Не знаю, откуда, но все знали, какие это грузы... Обыватели, простые обыватели смеялись. И зло смеялись, – люди говорили не стесняясь: «Смотрите, куда советские тратят деньги голодных крестьян и рабочих... ха-ха-ха, небось Гришка Зиновьев их лопают да на своих девок тратит...»

Все было улажено, Сливкин уехал со своим «специальным грузом для надобностей Коминтерна». Перед отъездом он зашел ко мне проститься. Он был доволен: так хорошо услужил начальству... А я был зол... Прощаясь, он протянул мне какую-то коробку и сказал:

– А вот это вам, товарищ Соломон, маленький презент для вашей супруги, флакон духов, настоящие «Коти»...

– Благодарю вас, – резко ответил я, – ни я, ни моя жена не употребляем духов «Коти»...

– Помилуйте, товарищ, это от чистого сердца...

– Я уже сказал вам, – почти закричал я, – не нужно... Прощайте...

А Сливкин был действительно рубаха-парень. Всем

служащим Гуковского и самому Гуковскому он привез разные презенты. Мои же сотрудники и сотрудницы, как и я, отклонили эти презенты.

Сливкин приезжал еще раз или два и все с «ответственными» поручениями для Коминтерна, правда, не столь обильными. А вскоре прибыл и сам Зиновьев. Я просто не узнал его. Я помнил его, встречаясь с ним несколько раз в редакции «Правды» еще до большевистского переворота: это был худощавый юркий парень... По подлой обязанности службы (вспоминаю об этом с отвращением) я должен был выехать на вокзал навстречу ему. Он ехал в Берлин. Ехал с целой свитой... Теперь это был растолстевший малый с жирным, противным лицом, обрамленным густыми, курчавыми волосами, и с громадным брюхом...

Гуковский устроил ему в своем кабинете роскошный прием, в котором и мне пришлось участвовать. Он сидел в кресле с надменным видом, выставив вперед свое толстое брюхо, и напоминал всей своей фигурой какого-то уродливого китайского божка. Держал он себя важно... нет, не важно, а нагло. Этот ожиревший на выжатых из голодного населения деньгах каналья едва говорил, впрочем, он не говорил, а вещал... Он ясно дал мне понять, что очень был «удивлен» тем, что я, бывая в Петербурге, не счел нужным ни разу зайти к нему (на поклон?) ... Я недолго участвовал в этом приеме и скоро ушел. Зиновьев уехал без меня. И Гуковский потом мне «дружески» пенял:

– Товарищ Зиновьев был очень удивлен, неприятно удивлен, что вас не было на пароходе, когда он уезжал... Он спрашивал о вас... хотел еще поговорить с вами...

Потом в свое время, на обратном пути в Петербург Зиновьев снова остановился в Ревеле. Он вез с собою какое-то колоссальное количество «ответственного» груза «для надобностей Коминтерна». Я не помню точно, но у меня осталось в памяти, что груз состоял из 75 громадных ящиков, в которых находились апельсины, мандарины, бананы, консервы, мыла, духи... но я не бакалейный и не галантерейный торговец, чтобы помнить всю спецификацию этого награбленного у русского мужика товара... Мои сотрудники снова должны были хлопотать, чтобы нагрузить и отправить весь этот груз... для брюха Зиновьева и его «содкомов»...

Но эти деньги тратились, так сказать, у меня на виду. А как тратились те колоссальные средства, которые я должен был постоянно проводить по разным адресам, мне неизвестно... Может быть, когда-нибудь и это откроется... Может быть, откроется также и то, что Зиновьев не только «пожирал» народные средства, но еще и обгаграл свои руки народной кровью... Так, один из моих сотрудников, Бреслав, рассказывал мне, как на его глазах произошла сцена, которую даже он не мог забыть... Он находился в Смольном, когда туда к Зиновьеву пришла какая-то депутация матросов из трех человек. Зиновьев принял их и, почти тотчас же

выскочив из своего кабинета, позвал стражу и приказал:

– Уведите этих мерзавцев на двор, приставьте к стенке и расстреляйте! Это контрреволюционеры...

Приказ был тотчас же исполнен без суда и следствия... Я был бы рад, за человека рад, если бы Бреслав подтвердил это...»¹⁰.

Зато известно, что Григория Зиновьева в 1936 году по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», был приговорен к расстрелу.

Казначей Владимира Ленина

Среди тех, кто, по мнению американской газеты, хранил свои сбережения за границей, был назван Яков Ганецкий (он же Фюрстенберг, Келер, Борель, Гендричек, Николай). Он оставил яркий след в истории нашей страны в качестве одного из финансовых менеджеров обеспечивших Владимира Ленина и его команду достаточным объемом денег для организации Октябрьской революции. Об этом написано достаточно много, поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе.

Расскажем о том, чем занимался Яков Ганецкий в Советской России. В декабре 1917 года он был назначен помощником Главного комиссара Государственного банка. В октябре 1918 года утвержден товарищем (заместителем) Главного

¹⁰ Соломон (Исецкий) Г. А. Среди красных вождей. – М., 1995., – С. 306—312.

го комиссара Народного банка РСФСР, а в ноябре приказом по Народному банку Главный комиссар Банка Г. Л. Пятаков возложил на Я. С. Ганецкого «временное исполнение обязанностей Главного комиссара». Временно исполняющим обязанности Главного комиссара Народного банка РСФСР Яков Ганецкий оставался вплоть до упразднения Банка в январе 1920 года.

С августа 1920 года по декабрь 1921 года – полномочный и торговый представитель РСФСР в Латвии. С декабря 1921 года по 1923 год – член коллегии Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР. С июля 1923 года по ноябрь 1925 года – член коллегии Народного комиссариата внешней торговли СССР. С ноября 1925 года по 1930 год – член коллегии Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР. С 1930 года по 1932 год – член Президиума ВСНХ СССР и член коллегии Главного концессионного комитета СССР. С 1932 года по 1935 год – начальник Государственного объединения музыки, эстрады и цирка. С 1935 года по июль 1937 года – директор Музея Революции. Арестован 18 июля 1937 года и расстрелян 26 ноября 1937 года.

Вот что любопытно, во время его руководства Внешторгом ведомство сотрясали коррупционные скандалы. Любопытное совпадение, не правда ли. Можно было считать это лишь стечением обстоятельств, если бы не знать о деяниях Якова Ганецкого в Латвии.

С середины 1918 года большевики активно искали рынки сбыта для отобранного у прежних владельцев (государства – Российской империи, частных лиц и банков) золота и драгоценностей. В первую очередь речь шла об аккумуляции денег на личных счетах в зарубежных банках руководителей Советской России, а так же о комиссионных, полученных за размещение за границей госконтрактов на экспорт природных ресурсов (в первую очередь леса) и импорта оборудования и продовольствия. Разумеется, этим дело не ограничилось. Началось финансирование Мировой революции по линии Коминтерна и множество лиц решило нажиться и на этом. Большинство из них, те, кто не умер раньше или предусмотрительно сбежал за границу, были репрессированы в 1937 году. Официально – по политическим мотивам.

В конце 1919 года представители Советской России начали переговоры с представителями непризнанных балтийских государств, а также с Финляндией и Польшей, – и с февраля 1920 по март 1921 года подписали с ними серию мирных договоров. Почему именно с ними? Так западноевропейские государства и США отказывались вести переговоры с «антинародным режимом» и надеялись на его скорое падение. Были у них еще претензии и экономического характера. Большевики отказались от всех финансовых обязательств царского правительства.

Особое значение Москва придавала подписанному 2 фев-

раля 1920 года в городе Юрьеве (Тарту) мирному договору с Эстонией, так как Ревель был намечен Москвой в качестве основного пункта по вывозу золота и ввозу товаров. По его поводу Владимир Ленин сказал: «В международном положении самым ярким фактом является мир с Эстонией. Этот мир – окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада». Автор не считает подписание мирных договоров победой юной советской дипломатии. Скорее речь идет о выгодном, в первую очередь для группы кремлевских руководителей, контракте, который открыл для большевиков «банковское окошко в зарубежные банки». Так, Эстонии были переданы населенные русскими территории вокруг Нарвы и более 10 тонн золота на сумму в 14 млн. рублей. Латвия получила золота на 4 млн. рублей, Литва – на три. Латвии отошли населенные русскими территории возле Двинска (ныне Даугавпилс), а также часть Псковской губернии, позднее возвращенная Иосифом Сталиным России.

Почему эти договора были выгодны лишь группе коррумпированных руководителей страны. Оговоримся сразу, среди большевиков были и честные люди. Например, Феликс Дзержинский и Иосиф Сталин. Этого не скажешь о Льве Троцком и Якове Свердлове. О делах первого мы рассказали выше, а о втором сообщим в конце главы. Просто последний не успел или не захотел (даже если бы была такая возможность) переправить свои сбережения за границу.

Любопытно, что полномочными представителями РСФСР в Эстонии и Латвии были назначены соответственно Исидор Гуковский (до перехода на дипломатическую службу он занимал пост наркома финансов и был членом коллегии наркомата государственного контроля РСФСР) и Яков Ганецкий.

Первый порой совершал странные для непосвященных во все тайны коррумпированного Кремля поступки. Например, в марте 1918 года назначили Исидора Гуковского руководить Нефтяным наркоматом.

А вот что происходит в мае того же года. Бакинский СНК принял решение о национализации нефтяных промыслов. Вроде бы правильное по тем временам (вспомним, что происходило с другими отраслями промышленности) решение, да и сейчас его сложно назвать ошибочным. Просто владельцы нефтепромыслов активно саботировали работу. Их тоже можно понять. Власть большевиков неустойчива, со дня на день рухнет, зачем зря работать и продавать нефть врагам. А Москва грозно скомандовала: «Нельзя национализировать». Тогда Бакинский СНК принимает решение послать в Москву одного из своих руководителей – Тер-Габриэляна. Представитель Баку, прибыв в столицу, долго и тщательно пытался убедить Владимира Ленина в ее необходимости:

«Я ему все рассказал, часа три я рассказывал о том, что у нас вообще происходит. Он мне задает вопрос: а что вы думаете делать? Я говорю, что нужно

объявить национализацию нефтяной промышленности. «Спасибо, – говорит, – мы уже донационализировались. А кто у нас будет работать?»... Бакинские рабочие. «А кто руководить-то будет?» ...Союз Бакинских инженеров. «А кто именно?» Да, разве вы знаете, – говорю – их фамилии. «Нет, – говорит, – этого нельзя». Зовет И. Э. Гуковского... «Но что – как вы думаете, Исидор Эммануилович, насчет национализации...?» Боже упаси... «А что...?» Невозможно... Без разрешения вопроса о национализации вернуться не могу... В.И.Ленин дал записку А. И. Рыкову, председателю ВСНХ – посмотрите, какое настроение». Поехал я к Алексею Ивановичу. «Нет, – говорит, – не можем, это значит погубить нефтяную промышленность...»¹¹.

А знаете, какую фамилию носил один из бакинских нефтепромышленников? Правильно, Гукасов. Были ли они родственниками или просто однофамильцами, это история умалчивает. Но лоббирование интересов бизнеса – это факт. И только вмешательство Иосифа Сталина в конце мая того же года все же позволило начать процесс национализации¹².

¹¹ Которниченко В. Н. К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10. М., 2005., – С. 92.

¹² Которниченко В. Н. К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10. М., 2005., – С. 92.

Яков Ганецкий был одним из самых доверенных лиц Владимира Ленину в финансовой сфере. В 1915—1917 годах он вместе с Израилем Гельфандом (А. Парвусом) возглавлял созданную в Копенгагене подставную фирму, через которую американские и немецкие банкиры – евреи финансировала партию большевиков, а летом – осенью 1917 года вместе с Владимиром Лениным проходил по делу о «большевиках – агентах германского Генерального штаба», которое вел следователь Павел Александров. Автор не случайно написал вместо привычного словосочетание о «финансирование большевиков Генштабом Германии» непривычное для многих «финансирование банковскими структурами». Оговорюсь сразу, речь не идет пресловутом мифическом «всемирном жидомассонском заговоре». Просто группа американских и немецких банкиров, что подделаешь, если все они евреи по происхождению, решила начать активно осваивать рынки сбыта Российской империи. А для этого им нужно было поставить у власти лояльных себе чиновников. Да и им то было без разницы, будет ли в стране демократия или социализм. Важнее для них, современным языком, было гарантировать безопасность инвестиций и обеспечить монополизм. В начале прошлого века речь шла о строительстве сети железных дорог. Ведь учитывая выгодное географическое положение Российской империи, новая транспортная сеть позволила бы активно осваивать труднодоступные территории. Возвращаясь к основной теме нашего рассказа. Яков Ганец-

кий знал многие сокровенные тайны вождя, хранил его архивы и зарубежные банковские счета.

Нет ничего удивительного в том, что назначив Исидора Гуковского и Якова Ганецкого на ключевые посты, большевики столкнулись с проблемой контрабанды и хищения переправляемых через границу драгоценностей.

Знаменитый американский «друг советских вождей» Арманд Хаммер, тоже замешанный в коррупционных скандалах (о них мы расскажем в следующей главе) позднее вспоминал:

«В то время Ревель был одним из перевалочных пунктов в торговле с Россией, но большая часть поступавших в него из России товаров... представляла собой контрабанду: произведения искусства, бриллианты, платина и бог знает что еще. Все это нелегально отправлялось через границу...».

То же было в Вильно, Хельсинки и Риге.

Что бы читатель имел представление о происходящих в Ревеле безобразиях, автор процитирует несколько страниц из воспоминаний Георгия Соломона. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«...сотрудники Гуковского жили и работали в этой же гостинице (речь идет о «Петербургской гостинице» – прим. авт.). Жили грязно, ибо все это были люди самой примитивной культуры. Тут же в жилых комнатах помещались и их рабочие бюро,

где они и принимали посетителей среди неубранных постелей и сваленных в кучу по стульям и столам грязного белья и одежды, среди которых валялись деловые бумаги, фактуры. Большинство поставщиков были «свои» люди, дававшие взятки, приносившие подарки и вообще оказывавшие сотрудникам всякого рода услуги.

С самого раннего утра по коридорам гостиницы начиналось движение этих темных гешефтмахеров. Они толпились, говорили о своих делах, о новых заказах. Без стеснения влезали в комнаты сотрудников, рассаживались, курили, вели оживленные деловые и частные беседы, хохотали, рассказывали анекдоты, рылись без стеснения в деловых бумагах, которые, как я сказал, валялись повсюду, тут же выпивали с похмелья и просто так. Тут же валялись опорожненные бутылки, стояли остатки недоеденных закусок... Тут же сотрудники показывали заинтересованным поставщикам новые заказы, спецификации, сообщали разные коммерческие новости... тайны...

У Гуковского в кабинете тоже шла деловая жизнь. Вертелись те же поставщики, шли те же разговоры... Кроме того, Гуковский тут же лично производил размен валюты. Делалось это очень просто. Ящики его письменного стола были наполнены сваленными в беспорядочные кучи денежными знаками всевозможных валют: кроны, фунты, доллары, марки, царские рубли, советские деньги... Он обменивал одну валюту на другую по какому-то произвольному курсу.

Никаких записей он не вел и сам не имел ни малейшего представления о величине своего разменного фонда.

И эта «деловая» жизнь вертелась колесом до самого вечера, когда все – и сотрудники, и поставщики, и сам Гуковский – начинали развлекаться. Вся эта компания кочевала по ресторанам, кафе-шантанам, сбиваясь в тесные, интимные группы... Начинался кутеж, шло пьянство, появлялись женщины... Кутеж переходил в оргию... Конечно, особенное веселье шло в тех заведениях, где выступала возлюбленная Гуковского... Ей подносились и Гуковским, и поставщиками, и сотрудниками цветы, подарки... Шло угощение, шампанское лилось рекой... Таяли народные деньги...

Так тянулось до трех-четырех часов утра... С гиком и шумом вся эта публика возвращалась по своим домам... Дежурные курьеры нашего представительства ждали возвращения Гуковского. Он возвращался вдребезги пьяный. Его высаживали из экипажа, и дежурный курьер, охватив его со спины под мышки, втаскивал смеющегося блаженным смешком «хе-хе-хе», наверх, укладывал в постель... На первых же днях моего пребывания в Ревеле мне пришлось засидеться однажды своем кабинете за работой до утра, и я видел эту картину втаскивания Гуковского к нему в его комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.